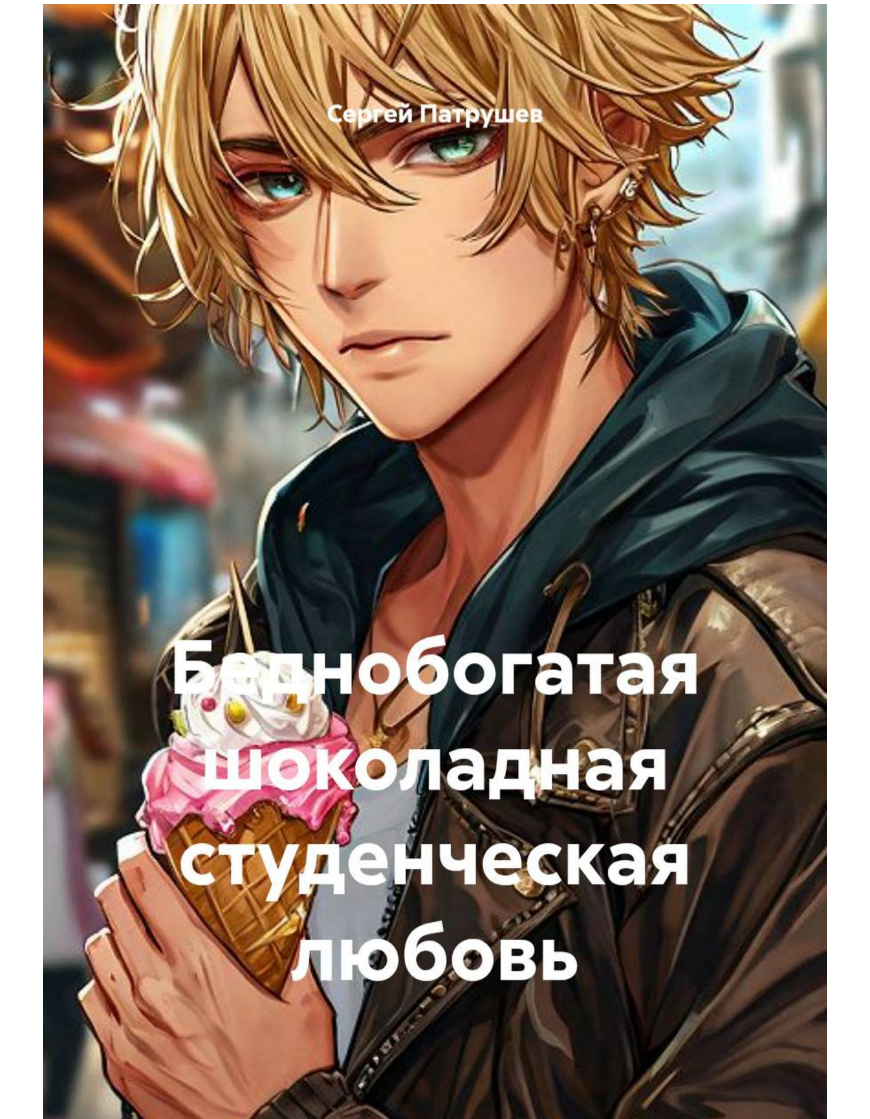

Сергей Патрушев

**Беднобогатая
шоколадная
студенческая
любовь**

Сергей Патрушев

Беднобогатая шоколадная студенческая любовь

<https://litres.ru/74107206>

SelfPub; 2026

Аннотация

До стипендии четыре дня. В кармане — три монетки по десять рублей. За окном октябрьский дождь, в животе пустота, а на душе — странное, щемящее чувство, которому ещё нет названия. Две шоколадные мороженки на последние деньги. Сдача не нужна.

Эта история — не о богатстве, которое измеряется цифрами на счету. Она — о богатстве иного порядка. О трёх друзьях в тесной комнате общежития, где голод превращается в рэп-батлы, а пустые полки становятся поводом для турнира за последний Доширак с говядиной. О гречке, которая идёт за деликатес, если делить её на троих. О вечерних песнях под расстроенную гитару, укрепляющих боевой дух лучше любого энергетика. О бизнес-планах, надёжных как дырявые носки, и о дружбе, которая прочнее банковской ячейки.

Ни ресторанов, ни путешествий, ни дорогой одежды. Только крыша общаги, под которой рождается смех в два часа ночи, поцелуи со вкусом шоколада и вера в то, что всё непременно

получится. Одна банка энергетика на троих — и вот они уже короли Вселенной.

Сергей Патрушев

Беднобогатая шоколадная студенческая любовь

Глава первая. Последние тридцать рублей

До стипендии оставалось четыре дня, а в кармане у Никиты сиротливо позвякивали три монетки по десять рублей. Он пересчитал их уже, наверное, раз двадцатый за последние полчаса, хотя с математикой у него всегда был полный порядок и никакой нужды в перепроверке не возникало. Тридцать рублей. Ровно тридцать. Когда-то в детстве эта сумма казалась ему целым состоянием, на которое можно было купить целый пакет жвачек или несколько леденцов на палочке, а сейчас это было ровно ничто. На тридцать рублей нельзя купить даже проездной на день, даже чашку самого дешёвого кофе в автомате, даже булочку в студенческой столовой.

Он стоял у входа в университет, прислонившись плечом к холодной бетонной стене, и смотрел, как осенний ветер гоняет по асфальту жёлтые листья. День выдался на удивление тёплым для конца октября, солнце пробивалось сквозь голые ветки деревьев и рисовало причудливые узоры на серых плитах тротуара. Никита ждал Алису. Она должна была вот-

вот выйти после последней пары, и он знал, что она наверняка голодная и уставшая, потому что по средам у них было четыре лекции подряд, и к концу дня в голове оставалась только звенящая пустота.

Алиса выпорхнула из тяжёлых стеклянных дверей, кутась в свой любимый вязаный кардиган, который ей связала бабушка ещё в десятом классе. Кардиган был нежно-голубого цвета, с большими деревянными пуговицами, и Алиса носила его постоянно, утверждая, что он тёплый и уютный, как объятия. Никита видел этот кардиган, наверное, миллион раз, но каждый раз, когда она появлялась в нём, его сердце делало маленький кулбит. Она заметила Никиту и улыбнулась той самой улыбкой, от которой у него всегда перехватывало дыхание, даже спустя почти два года отношений. У неё была удивительная улыбка, слегка асимметричная, с ямочкой на левой щеке, и когда она улыбалась, её карие глаза превращались в два сияющих полумесяца.

– Привет, – сказала она, подходя ближе и привычным движением просовывая свою холодную ладонь в его руку. – Долго ждёшь?

– Минут двадцать, не больше, – соврал Никита. На самом деле он проторчал тут почти час, но ему было совершенно не важно, сколько времени он проводит в ожидании, если

результатом ожидания было появление Алисы.

Они медленно пошли по аллее, ведущей прочь от университетского корпуса. Листья шуршали под ногами, где-то вдалеке слышался смех студентов, спешащих по домам или в общежитие. Никита молчал, погружённый в свои мысли, и Алиса, почувствовав его настроение, не нарушала тишину. Она вообще удивительно тонко его чувствовала – могла определить его состояние по одному взгляду, по тому, как он держит плечи, по тому, с какой интонацией произносит самые обычные слова.

– У нас до стипендии ещё почти неделя, – сказал наконец Никита, и голос его прозвучал глухо и как-то обречённо. – У меня осталось тридцать рублей. Представляешь? Тридцать.

Алиса тихонько рассмеялась, и смех этот был совсем не обидным, а скорее сочувствующим и тёплым.

– У меня примерно столько же, – призналась она. – Я вчера купила тетрадку по философии, и это было моё последнее вложение в образование на эту неделю. Ещё есть полпачки гречки и одна луковица. Могу угостить тебя ужином.

Никита покосился на неё и невольно улыбнулся. Алиса всегда так делала: любую, даже самую паршивую ситуацию

она умела превратить в повод для шутки или нежности. Когда у них протекал потолок в съёмной комнате, она назвала это бесплатным душем. Когда сломалась микроволновка, она сказала, что теперь они будут питаться исключительно здоровой пищей без всякого излучения. Она могла найти свет даже в самой кромешной тьме, и за это Никита любил её с какой-то особенно щемящей, почти болезненной силой.

– Гречка с луком – это, конечно, деликатес, – сказал он. – Но я хотел тебя кое-чем угостить.

Он остановился и потянул её за руку к маленькому ларьку, который притулился на углу улицы. Ларёк был старый, обшарпанный, с выцветшей надписью «Мороженое» на боку. За пыльным стеклом виднелись несколько холодильников, в которых тускло светились ряды разноцветных упаковок. Старушка-продавщица дремала на стуле, укутавшись в пуховый платок, несмотря на то что внутри ларька было довольно тепло от работающих моторов.

– Мороженое? – удивилась Алиса. – В октябре?

– А что, мороженое имеет сезонность? – парировал Никита. – По-моему, мороженое вкусное в любое время года. Особенно когда его покупают на последние деньги. Тогда оно становится в тысячу раз вкуснее, проверено.

Он подошёл к окошку и постучал костяшками пальцев по стеклу. Продавщица вздрогнула, проснулась и посмотрела на него недовольным взглядом человека, которого оторвали от очень важных послеобеденных размышлений.

– Две шоколадные мороженки, пожалуйста, – сказал Никита и высыпал на прилавок три монетки, которые тут же разбежались в разные стороны.

Старушка неторопливо собрала деньги, пересчитала, неодобрительно поджала губы – видимо, её расстроило, что монеты не бумажные – и открыла холодильник. Оттуда повалил морозный пар, и через мгновение на прилавке появились два брикетика в шуршащей серебристой упаковке. Шоколадное мороженое в вафельной глазури, самое простое и самое дешёвое, какое только можно было найти в этом ларьке. Никита взял оба брикетика и торжественно вручил один Алисе.

– Прошу, мадемуазель, – сказал он с шутливым полупоклоном. – Лучшее шоколадное мороженое в этом районе, а возможно, и во всём городе. Куплено на последние тридцать рублей честно заработанной стипендии, которая, кстати, ещё даже не пришла.

Алиса приняла мороженое, и её глаза на мгновение подозрительно заблестели. Она всегда становилась сентиментальной от таких вот мелочей, от проявлений заботы, которые для Никиты были чем-то самым собой разумеющимся, а для неё каждый раз становились маленьким откровением.

– Ты сумасшедший, – сказала она, разворачивая обёртку. – Ты потратил последние деньги на мороженое. На мороженое, Никита. Мы будем есть гречку без ничего следующие четыре дня, а ты купил мороженое.

– Гречка без ничего – это грустно, – отозвался он, тоже принимаясь за свою порцию. – А гречка после мороженого – это уже история. Будет что рассказать нашим будущим детям.

Они отошли от ларька и присели на скамейку в маленьком скверике неподалёку. Скамейка была старая, деревянная, с облупившейся зелёной краской и слегка покосившейся спинкой, но им она казалась самым уютным местом на свете. Солнце уже начало клониться к закату, и его лучи окрашивали всё вокруг в мягкие золотистые и розоватые тона. Алиса сидела, подобрав ноги, и осторожно, маленькими кусочками откусывала мороженое, стараясь растянуть удовольствие.

– Знаешь, – заговорила она задумчиво, глядя куда-то вдаль, где между домами виднелась узкая полоска неба, – я иногда думаю о том, что наша бедность, она какая-то особенная. Не унижительная, не злая. Она как будто нас проверяет на прочность, и мы пока что проходим эту проверку.

– Денег нет, зато мы молоды, – усмехнулся Никита. – Так, кажется, говорят?

– Нет, не так, – покачала головой Алиса. – Денег нет, зато у нас есть мы. И это гораздо важнее. Вот смотри: мы могли бы сейчас сидеть в дорогом ресторане, есть какие-нибудь изысканные десерты и обсуждать скучные взрослые вещи. А вместо этого мы сидим на старой скамейке, едим самое дешёвое мороженое на свете, и мне почему-то кажется, что это самый счастливый момент в моей жизни.

Никита ничего не ответил, только подвинулся ближе и обнял её за плечи. Она тут же прижалась к нему, положила голову ему на плечо, и они замерли так на несколько минут, наблюдая, как солнце медленно опускается за крыши домов. Мороженое потихоньку таяло в их руках, капли шоколада капали на асфальт, оставляя тёмные следы, но им было всё равно. В такие минуты вообще всё становится неважным, кроме того, что рядом есть кто-то, с кем можно разделить и мороженое, и последние деньги, и целую жизнь.

– А помнишь, как мы познакомились? – вдруг спросила Алиса, отрываясь от его плеча и заглядывая ему в глаза.

– Конечно, помню, – кивнул Никита. – Ты опоздала на первую лекцию по истории литературы и влетела в аудиторию с таким видом, будто за тобой гнались все демоны ада. Волосы растрёпанные, в одной руке сумка, в другой – стаканчик с кофе, который ты в итоге пролила прямо на мои конспекты.

– И ты так спокойно на это отреагировал, – подхватила она со смехом. – Просто взял салфетку, вытер лужу и сказал: «Ничего страшного, я всё равно писал как курица лапой, так что кофе только улучшило ситуацию». И я тогда подумала: какой странный парень, ему испортили конспект, а он шутит.

– А я тогда подумал: какая красивая девушка, и как жаль, что она наверняка даже не посмотрит в мою сторону после такого конфуза.

– Но я посмотрела, – тихо сказала Алиса. – Я смотрела на тебя всю лекцию, а потом ещё месяц не решалась подойти. Ты казался таким серьёзным и умным, всегда сидел на первой парте, всегда что-то записывал, всегда знал ответы на все вопросы преподавателя. А я была просто растрёпанной

девчонкой с вечно пролитым кофе.

Никита рассмеялся и поцеловал её в макушку. Она пахла каким-то лёгким цветочным шампунем, и этот запах был для него роднее всего на свете.

– Ты была самой красивой девчонкой на всём курсе, – сказал он. – И самой весёлой. И самой громкой, кстати. Твой смех было слышно даже в соседнем корпусе.

– Зато мой смех привлёк твоё внимание.

– Твой смех, твои разбросанные волосы, твой пролитый кофе и твоя совершенно нелепая привычка опаздывать везде и всюду. Ты привлекла моё внимание целиком и полностью, и я с тех пор не могу думать ни о чём другом. Даже диплом пишу с мыслями о тебе.

Они помолчали ещё немного. Мороженое почти закончилось, и Алиса аккуратно слизнула последние капли шоколада с пальцев. Ветер усилился, и она поёжилась, плотнее закутываясь в свой голубой кардиган. Никита тут же снял свою толстовку, оставшись в одной футболке, и накинул ей на плечи, не слушая возражений.

– Ты простудишься, – запротестовала Алиса. – Сейчас же

не лето, Никита. Октябрь на дворе.

– Не простужусь, – упрямо сказал он. – Я вообще не мёрзну. У меня, кажется, какой-то внутренний обогреватель. А ты вечно холодная, даже летом у тебя ледяные руки.

Она не стала спорить дальше, только плотнее закуталась в толстовку, которая была ей велика размера на три, и стала похожа на маленького замёрзшего воробья. Никита смотрел на неё и чувствовал, как в груди разливается что-то горячее и одновременно щемящее. Вот оно, счастье, думал он. Счастье – это не когда у тебя полные карманы денег, не когда ты можешь позволить себе что угодно, не когда ты едешь на дорогой машине и живёшь в огромной квартире. Счастье – это когда ты сидишь на старой скамейке с девушкой, которая носит твою толстовку, ест последнее мороженое, купленное на последние тридцать рублей, и говорит, что это лучший момент в её жизни.

– Как думаешь, – вдруг спросила Алиса, – мы всегда будем вместе?

– Всегда, – ответил Никита без малейших колебаний. – Я в этом абсолютно уверен.

– Откуда такая уверенность?

– Потому что мы умеем быть счастливыми даже тогда, когда у нас ничего нет. А когда у людей ничего нет, и они всё равно счастливы – это значит, что у них есть всё. Понимаешь? У нас есть всё.

Алиса задумалась на мгновение, переваривая его слова, а потом кивнула.

– У нас есть всё, – повторила она. – У нас есть эта скамейка, этот закат, это растаявшее мороженое и целая куча планов на будущее. Знаешь, о чём я мечтаю?

– О чём?

– Я мечтаю, что когда-нибудь, через много лет, когда у нас будет свой дом и стабильная работа, и, может быть, даже машина, мы будем сидеть на кухне, пить чай и вспоминать этот день. Вспоминать, как нам было трудно, как мы считали копейки и покупали друг другу мороженое на последние деньги. И я хочу, чтобы мы смотрели друг на друга и понимали, что всё это было не зря. Что мы справились. Что мы прошли через всё это и стали только ближе.

Никита проглотил комок в горле. Он не был сентиментальным человеком, по крайней мере, он так думал о себе

до встречи с Алисой. Но она каким-то волшебным образом умела доставать из него эмоции, о существовании которых он даже не подозревал. Рядом с ней он становился мягче, теплее, человечнее. Рядом с ней он учился говорить о чувствах, не стесняясь и не прячась за сарказм.

– Так и будет, – сказал он твёрдо. – Мы справимся. Мы закончим университет, найдём работу, и у нас всё будет хорошо. Может быть, не сразу, может быть, не легко, но обязательно будет. А пока что у нас есть сегодняшний вечер, последние крошки шоколадного мороженого и абсолютная, стопроцентная уверенность в том, что вместе мы можем всё.

Алиса повернулась к нему и вдруг быстро, почти невесомо поцеловала в щёку. У неё были холодные губы, но поцелуй всё равно обжёг его, как обжигает всё настоящее, искреннее, идущее от самого сердца.

– Спасибо тебе, – прошептала она. – За мороженое. За то, что ты есть. За то, что ты тратишь последние деньги не на еду, а на то, чтобы сделать мне приятно. Я это очень ценю, правда. Мне никто и никогда не дарил такого дорогого мороженого.

– Оно стоило пятнадцать рублей, – усмехнулся Никита.

– Для меня оно бесценно, – серьёзно ответила Алиса. – Потому что в него вложена твоя забота. А это не измеряется деньгами.

Они просидели на скамейке до тех пор, пока солнце совсем не скрылось за горизонтом и фонари не зажглись вдоль аллеи, разбрасывая вокруг себя оранжевые круги света. В скверике стало совсем пусто, только редкие прохожие спешили по своим делам, ёжась от вечерней прохлады. Алиса и Никита поднялись, размяли затёкшие ноги и, держась за руки, медленно побрели в сторону общежития. Им предстояло ещё приготовить ту самую гречку с луком, сделать домашнее задание по философии и попытаться уложиться спать пораньше, потому что завтра снова на пары. Но всё это было совершенно неважно, потому что в кармане у каждого из них лежала смятая обёртка от шоколадного мороженого, которая напоминала о том, что даже в самые трудные времена можно найти повод для маленького, но такого большого счастья. И пока они шли по пустеющим улицам, Алиса вдруг подумала, что когда-нибудь, много лет спустя, она расскажет своим детям или, может быть, даже внукам о том, как однажды осенью молодой человек купил ей мороженое на последние тридцать рублей, и это было самое вкусное мороженое в её жизни. И она знала, что Никита думает о том же самом, потому что они вообще часто думали об одном и том же – так бывает, когда два человека действительно созданы друг для

друга.

Глава вторая. Трое в комнате, не считая таракана

Комната номер триста семнадцать в общежитии номер четыре была легендарным местом. Во всяком случае, так считали её обитатели, и с этим мнением трудно было спорить, потому что ни в одной другой комнате на этаже не происходило столько странных, абсурдных и откровенно безумных событий, сколько в триста семнадцатой. Здесь жили трое: Никита, Дэн и Паша, и их сожителство представляло собой гремучую смесь из хаоса, юмора и какой-то совершенно неубиваемой жизнерадостности.

Комната была маленькой и тесной, метров двенадцать от силы. Вдоль стен стояли три железные кровати, которые при любом движении издавали душераздирающий скрип, способный разбудить даже самого крепко спящего соседа. Посередине примостился стол, собранный, кажется, ещё в советские времена из каких-то обрезков ДСП, на котором вечно царил художественный беспорядок: тетради вперемешку с грязными кружками, огрызки карандашей, зарядные устройства от телефонов, которые никто никогда не мог найти, и обязательный атрибут студенческой жизни – электрический чайник, спрятанный за стопкой книг на случай внезапной проверки коменданта.

Дэн был душой компании. Высокий, худой как жердь, с вечно взлохмаченными тёмными волосами и безумным блеском в глазах, он обладал способностью находить приключения на свою голову, причём делал это с такой регулярностью, словно у него был какой-то внутренний радар, настроенный исключительно на поиск неприятностей. Учился он на инженера, но его настоящим призванием было, кажется, изобретать способы выживания в условиях перманентного безденежья.

Паша, напротив, был тихим и рассудительным. Круглолицый, светловолосый, с неизменной книгой в руках, он казался единственным адекватным человеком в этой комнате, но это впечатление было обманчивым. В тихом омуте, как известно, водятся такие черти, что Дэну и не снились. Просто Пашины безумства были более изощрёнными и проявлялись неожиданно, заставляя всех врасплох.

И Никита, который был чем-то средним между этими двумя полюсами. Достаточно спокойный, чтобы не влипать в истории, и достаточно безбашенный, чтобы не казаться занудой. Он был тем клеем, который удерживал эту странную компанию от полного развала, хотя иногда, честно признаться, ему самому хотелось присоединиться к хаосу и пуститься во все тяжкие.

Вечер пятницы в триста семнадцатой начинался традиционно. Традиция заключалась в том, что никто не знал, чем именно они будут заниматься, но все точно знали, что скучно не будет.

– Господа, – торжественно объявил Дэн, вваливаясь в комнату с каким-то подозрительным свёртком в руках, – у меня есть план.

– О нет, – сказал Паша, не отрываясь от книги. – Каждый раз, когда у тебя есть план, нас потом чуть не выселяют из общаги.

– Это было всего один раз!

– Трижды, Дэн. Трижды. Пожарная тревога в марте, потоп в октябре и случай с голубем в декабре. Я веду счёт.

Дэн фыркнул, бросил свёрток на кровать и начал его разворачивать с таким видом, словно внутри находился как минимум Святой Грааль. Внутри оказалась гитара. Старая, потрепанная, с облупившимся лаком и тремя недостающими струнами, но тем не менее гитара.

– Откуда? – спросил Никита, отрываясь от конспектов.

– Выменял у Витьки с четвёртого этажа на три банки тушёнки и обещание помочь с курсачом по сопромату, – гордо ответил Дэн. – Тушёнку, кстати, я у вас взял, парни. С вашей полки. Надеюсь, вы не против.

Паша наконец отложил книгу и посмотрел на Дэна долгим, выразительным взглядом, который мог означать всё что угодно – от глубокого философского несогласия до желания придушить соседа подушкой.

– Ты хочешь сказать, что обменял наш стратегический запас провизии на этот кусок дерева, на котором даже играть нельзя, потому что нет трёх струн?

– Я договорился о струнах с Лёхой из музыкального кружка, – отмахнулся Дэн. – Он отдаст мне старые за просто так, говорит, у него целая коробка. А гитара, между прочим, это не просто кусок дерева. Это инструмент. Это душа компании. Это наш пропуск в мир музыки, славы и, возможно, бесплатного пива в баре, если мы научимся играть что-нибудь приличное.

Никита рассмеялся, откинувшись на спинку стула так, что тот угрожающе закрипел. Дэн всегда умел превратить любую сомнительную авантюру в великое предприятие, от ко-

тогого якобы зависела судьба человечества. И самое удивительное заключалось в том, что ему почти всегда верили.

– И что ты собираешься играть? – спросил Никита. – Ты вообще умеешь?

– А что там уметь? – беззаботно отозвался Дэн. – Три аккорда, и весь рок-н-ролл. Я в школе пытался научиться, у меня даже почти получалось. Почти. Ладно, если честно, получалось паршиво, но я был молод и глуп. Сейчас я старше и мудрее, так что всё должно получиться.

– Ты старше на два года, – заметил Паша. – И мудрее вряд ли.

– Твои скептические замечания не помогут нам завоевать мир, Паша. Нужно мыслить позитивно.

Пока Дэн возился с гитарой, пытаясь настроить уцелевшие струны и издавая при этом звуки, напоминающие скорее предсмертные крики кошки, чем музыку, Никита размышлял о том, как странно устроена студенческая жизнь. У них не было денег, они питались гречкой и макаронами, их комната напоминала склад забытых вещей и ненужного хлама, но при этом они чувствовали себя абсолютно, безоговорочно счастливыми. Может быть, дело было именно в отсутствии

этого самого комфорта. Когда у тебя ничего нет, ты начинаешь ценить то, что имеешь, — дружбу, смех, эти странные вечера, наполненные дурацкими идеями и разговорами ни о чём.

— Слушайте, — вдруг сказал Дэн, откладывая гитару и понижая голос до заговорщического шёпота, — а давайте устроим сегодня ночью что-нибудь особенное?

— Например? — подозрительно спросил Паша.

— Не знаю. Может, на крышу полезем? Давно там не были. Звёзды, воздух, романтика. Возьмём чай в термосе, будем сидеть и разговаривать о вечном.

— Во-первых, на крышу нельзя, — начал загибать пальцы Паша. — Во-вторых, там холодно, сейчас ноябрь на носу. В-третьих, у нас нет термоса. В-четвёртых, прошлый раз, когда мы туда лазили, ты чуть не свалился, и нас чуть не поймал комендант.

— Именно! — воскликнул Дэн с таким энтузиазмом, будто Паша только что привёл аргументы в пользу его плана. — Чуть не поймал, но не поймал же! Значит, удача на нашей стороне. И вообще, адреналин полезен для здоровья. Улучшает кровообращение.

– Улучшает кровообращение только до того момента, пока ты не рухнешь с пятого этажа, – мрачно заметил Никита.

Но в глубине души он уже знал, что они согласятся. Так было всегда. Дэн предлагал какую-нибудь безумную идею, Паша ворчал и приводил разумные доводы, Никита колебался где-то посередине, но в итоге они все вместе отправлялись навстречу очередному приключению. Потому что именно из таких моментов и состояла их дружба – из дурацких решений, принятых глубокой ночью, из смеха над собственными неудачами, из чувства локтя, когда очередная авантюра грозила обернуться катастрофой.

В дверь постучали. Это был условный стук – три быстрых удара, пауза, ещё два. Так стучали только свои.

– Входите! – крикнул Дэн, даже не спрашивая, кто там. Он вообще отличался удивительным легкомыслием в вопросах безопасности.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Серёги с соседнего этажа. Серёга был личностью в своём роде примечательной – он учился на программиста, мог починить любой компьютер и носил очки с такими толстыми линзами, что его глаза казались вдвое больше обычного.

– Парни, у меня проблема, – сказал он, протискиваясь в комнату. – Даже две проблемы. Во-первых, у меня сломалась микроволновка. Во-вторых, у меня есть пять килограммов картошки, которую нужно приготовить до завтра, иначе она испортится.

В комнате повисла пауза. Дэн, Паша и Никита переглянулись.

– Пять килограммов? – переспросил Паша. – Откуда?

– Родители передали. Думали, буду питаться правильно, запекать в микроволновке. А она взяла и сломалась. Я её разобрал, но так и не понял, в чём дело. Кажется, что-то с магнетроном.

– Ты разобрал микроволновку, – медленно произнёс Никита. – Ты вообще знаешь, что это опасно? Там высокое напряжение, даже в выключенном состоянии.

– Я знаю, – вздохнул Серёга. – Поэтому и разбирал осторожно. Но всё равно не починил. И теперь у меня пять кило картошки и никакой возможности её приготовить. У вас, случайно, нет плитки?

Плитки у них не было. То есть она, конечно, была, как у всех уважающих себя студентов, живущих в общежитии, но она была старательно спрятана в шкафу под горой грязного белья, потому что комендант в последнее время активизировался и устраивал рейды с завидной регулярностью. Пользоваться плиткой было рискованно, но пять килограммов картошки – это был аргумент, перед которым меркли любые страхи.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказал Дэн, и в его глазах снова зажёгся тот самый огонёк, который обычно предвещал грандиозные и небезопасные планы. – Картошка – это ресурс. Из картошки можно сделать всё что угодно. Её можно пожарить, сварить, запечь. Можно сделать драники, пюре, запеканку. У нас есть масло?

– Есть немного, – ответил Никита. – Оставалось после прошлой стипендии. Граммов двести, наверное.

– Соль?

– Есть.

– Отлично. Серёга, ты с нами. Мы устроим пир. Паша, доставай плитку. Никита, ты у нас самый ответственный, будешь стоять на страже у двери. Если появится комендант,

подашь сигнал.

– Какой сигнал? – уточнил Никита.

– Не знаю, закричишь что-нибудь. Например, «Пожар!» или «Наводнение!». Главное, громко.

– Если я закричу «пожар», комендант всё равно зайдёт проверить, – резонно заметил Никита. – Может, лучше что-то нейтральное? Например, спросить у него что-нибудь, чтобы отвлечь.

– Точно! – обрадовался Дэн. – Спросишь его про расписание уборки или про то, когда будут менять лампочки в коридоре. Он обожает про это рассказывать. У тебя будет минут десять форы, пока он перечислит все свои претензии к администрации.

План был абсурдным, как и всё, что предлагал Дэн, но в этом абсурде было своё очарование. Пока Паша, ворча себе под нос что-то о том, что он единственный взрослый человек в этой компании, но ему приходится заниматься откровенной ерундой, вытаскивал из шкафа электрическую плитку, Серёга побежал на свой этаж за картошкой, а Дэн искал сковородку, которая, как выяснилось, была задвинута под кровать Никиты и покрыта слоем пыли такой толщины, что её

пришлось отмывать в душевой.

Через полчаса приготовления шли полным ходом. Ско-
вородка шипела, картошка, нарезанная неровными ломтя-
ми (потому что нормального ножа в хозяйстве не води-
лось, только перочинный), обжаривалась в масле, наполняя
комнату умопомрачительным ароматом. У Никиты, который
честно стоял на стрёме у двери и прислушивался к звукам в
коридоре, от этого запаха текли слюнки. Они договорились,
что позовут и Алису, которая жила в женском крыле на дру-
гом этаже, но сначала нужно было убедиться, что всё готово
и комендант не собирается нагрянуть с внезапной провер-
кой.

– Эх, сюда бы ещё лучку, – мечтательно произнёс Дэн, пе-
реворачивая картошку. – И колбаски. И, может быть, сыра.

– У меня есть лук, – вспомнил Никита. – Та самая луко-
вица, о которой Алиса говорила. Она лежит в тумбочке. И
ещё там, кажется, завалился кусочек сыра, но за его свежесть
я не ручаюсь.

– Неси! – скомандовал Дэн. – Всё неси. В такую ночь ни
один продукт не должен пропасть.

И вот они сидели вчетвером (потому что Алису удалось

тайком провести через коридор, пока Паша отвлекал вахтёршу разговором о её любимых фиалках) на скрипучих кроватях, ели жареную картошку прямо со сковородки, потому что тарелок на всех не хватало, и чувствовали себя самыми богатыми людьми на свете. Картошка была обжигающе горячей, пересоленной, с привкусом старого масла и какой-то неуловимой ноткой запретного удовольствия, которая делала её вкуснее любого ресторанного блюда.

Дэн, как и обещал, пытался играть на гитаре. Три оставшиеся струны издавали звуки, отдалённо напоминающие мелодию, и он, не смущаясь отсутствием слуха и голоса, начал петь какую-то песню собственного сочинения, текст которой рождался прямо на ходу.

Мы студенты, мы голодные, но весёлые,
Наша комната – дворец, хоть и без евроремонта,
У нас есть картошка, и гитара есть,
И мы верим, что нас ждёт большое завтра!

Алиса смеялась так заразительно, что Никита не мог удержаться и смеялся вместе с ней, хотя песня была объективно ужасной. Паша, забыв про свой скепсис, подпевал, отбивая ритм ладонью по спинке кровати. Серёга, который изначально пришёл с проблемой, теперь выглядел абсолютно счастливым и даже предложил завтра же попытаться почи-

нить микроволновку сообщая, чтобы в следующий раз запечь картошку, а не жарить.

Где-то около полуночи, когда картошка закончилась, а Дэн перешёл к особенно душещипательной балладе о несчастной любви к буфетчице из столовой, в дверь внезапно постучали. Не условным стуком, а властным, требовательным стуком, от которого у всех четверых внутри что-то оборвалось.

– Комендант, – одними губами произнёс Паша.

Плитка была молниеносно выключена и засунута под кровать вместе со сковородкой. Гитара полетела в шкаф. Алиса, проявив чудеса акробатики, нырнула под стол, где её прикрыли свисающей скатертью, которую они использовали вместо нормальной занавески. Серёга замер на месте, как кролик перед удавом.

Никита сделал глубокий вдох и открыл дверь.

На пороге стоял не комендант. Это был Костик, их однокурсник, известный своей способностью появляться в самый неподходящий момент.

– Парни, у вас соли не найдётся? – спросил он, совершен-

но не замечая воцарившейся в комнате паники. – Мы тут тоже решили картошку пожарить.

Несколько секунд в комнате стояла мёртвая тишина. А потом они расхохотались – все одновременно, громко, до слёз. Алиса вылезла из-под стола, чуть не опрокинув его. Дэн хотел так, что упал с кровати. Паша, всегда серьёзный Паша, согнулся пополам и не мог выпрямиться.

Костик смотрел на них с недоумением, явно подозревая, что пропустил что-то важное.

– Соль, – повторил он. – Мне нужна соль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.